

## Специфика взаимоотношений государства и бизнеса в современном Китае

Пахомова М. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация  
e-mail: mariap2707@gmail.com

### РЕФЕРАТ

Для дальнейшего развития российско-китайского сотрудничества принципиально важно в полной мере понимать специфику функционирования политической, экономической и социальной системы этой страны, которая, в частности, детерминируется и сложившейся системой взаимоотношений между государством и бизнесом.

**Цель.** Выявить специфику модели взаимоотношений между государством и бизнесом, которая сложилась в КНР за период экономических реформ и является одним из важнейших аспектов «китайского чуда».

**Задачи.** Определить применимость западных моделей отношений государства и бизнеса к китайским реалиям, дать характеристику основным принципам и подходам к регулированию взаимоотношений государства и бизнеса, выявить проблемы, противоречия и перспективы их разрешения в условиях современного Китая.

**Методология.** Системный и сравнительный анализ, научное обобщение, экспертные оценки.

**Результаты.** Специфика модели взаимоотношений между государством и бизнесом в современном Китае определяется, со одной стороны, полиморфной природой китайского государства, с другой — становлением бизнеса как гибридного субъекта. В связи с этим рассматривать отношения между государством и бизнесом в Китае как единообразные или в которых доминирует определенная форма взаимодействия является, на наш взгляд, неверным. В реальности эти отношения неоднородны и варьируются не только в зависимости от регионов и секторов, но и «неравномерны» между различными видами субъектов бизнеса в рамках одного и того же сектора и/или региона, в результате чего различные виды бизнеса имеют разную степень близости к государству и субнациональным органам власти.

**Выводы.** Сложившаяся исторически под влиянием решений и действий правящей партии на различных этапах развития современной китайской государственности система, несмотря на свою сложность, а нередко и запутанность, тем не менее дает возможность правительству гибко маневрировать в условиях серьезных экономических и финансовых потрясений, вызванных как собственно экономическими, так и социально-политическими причинами.

*Ключевые слова:* Китай, бизнес, государство, Коммунистическая партия Китая, экономические реформы, государственная политика

**Для цитирования:** Пахомова М. А. Специфика взаимоотношений государства и бизнеса в современном Китае // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 3. С. 168–178. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-168-178>

## The Specifics of the State-Business Relations in Modern China

Maria A. Pakhomova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-Western Institute of Management of RANEPА), Saint Petersburg, Russian Federation  
e-mail: mariap2707@gmail.com

*ABSTRACT*

For the further development of Russian-Chinese cooperation, it is fundamentally important to understand fully the specific characteristics of the political, economic and social system of this country, which, in particular, is determined by the established system of the state — business relations.

**Aim.** To identify the specifics of the model of relations between government and business, which has developed in the PRC during the period of economic reforms and is one of the most important aspects of the “Chinese miracle”.

**Tasks.** To determine the applicability of Western models of state and business relations to Chinese realities, to characterize the main basic principles and approaches to the regulation of relations between the state and business, to identify problems, contradictions and prospects for their resolution in the conditions of modern China.

**Methods.** System and comparative analysis, scientific generalization, expert assessments.

**Results.** The specific characteristics of the state-business relations model in the country are determined, on the one hand, by the polymorphous nature of the Chinese state, on the other — by the formation of business as a hybrid actor. In this regard, it is, in our opinion, incorrect to see the state-business relations in China as uniform or dominated by a specific form of interaction. In reality, these relations are heterogeneous and vary not only depending on regions and sectors, but also “uneven” across different types of business actors within the same sector and/or region, as a result of which different types of businesses have different degrees of closeness to the state and subnational authorities.

**Conclusion.** The system, historically formed under the influence of decisions and actions of the ruling party at various stages of the development of modern Chinese statehood, despite its complexity and often confusion, nevertheless allows the government to maneuver flexibly in the situations of serious economic and financial shocks caused by both economic and socio-political factors.

*Keywords:* China, business, state, Communist Party of China, economic reforms, public policy

**For citing:** Pakhomova M. A. The Specifics of the State-Business Relations in Modern China // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2023. Vol. 17. No. 3. P. 168–178. (In Rus.) <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-168-178>

**Введение**

Китаю потребовалось менее 70 лет, чтобы выйти из изоляции и стать одной из величайших экономических держав мира. Страна не только более двух десятилетий демонстрировала самые высокие темпы роста в мире, а сейчас, занимая второе после США по номинальному валовому внутреннему продукту (ВВП) место, лидирует по ВВП по паритету покупательной способности (ППС), но и демонстрирует достаточно низкий уровень инфляции, имея огромные золотовалютные запасы и постоянно растущее благосостояние населения.

Удивительная природа и уникальность китайской экономики особенно ярко проявляются при сравнении ее с другими «переходными экономиками» в бывшем Советском Союзе и Восточной Европе, в отличие от которых стране удалось осуществить переход к рыночной экономике с минимальными социальными и политическими издержками адаптации к новой реальности и сохранением широкой поддержки реформ в обществе.

Не ставя перед собой задачу раскрыть все параметры «китайского чуда», остановимся подробнее лишь на одной его составляющей, которая, по нашему мнению, однако, является ключевой, а именно на специфическом характере взаимоотношений между государством, Коммунистической партией Китая (КПК) и бизнесом.

**Теоретические подходы к анализу взаимоотношений и бизнеса в КНР**

Сложность характеристики отношений между государством и бизнесом в Китае проистекает как из неоднозначных границ между государством и бизнесом, так и из множественности направлений и форм

их взаимодействия. Такая двойственность и многополярность объясняет ограничения применения существующих теорий при описании отношений государства и бизнеса в Китае. Так, например американский исследователь С. Кеннеди [10], рассматривая китайский случай с точки зрения уровней автономии фирм, моделей организации, кооперативных и конкурентных обменов и прозрачности политических процессов с использованием теоретических моделей плюрализма, социального корпоративизма, государственного корпоративизма, консерватизма и монизма, приходит к выводу, что в той или иной степени Китай вписывается в рамки всех этих подходов, за исключением монизма.

По мнению же китайского политолога Так-Винг Нго [16], подчеркивающего центральную роль власти и интересов, присущая Китаю модель взаимоотношений бизнеса и государства в сравнении с устоявшимися в политической науке теориями выглядит следующим образом (см. таблицу).

Таблица

### Сравнительный анализ моделей взаимоотношения государства и бизнеса

Table. Comparative analysis of the state-business relations models

Показатель	Плюрализм	Социальный корпоративизм	Государственный корпоративизм	Марксизм	Клиентоориентированность	Китай
Государственная структура	Единая	Единая	Единая	Единая	Олигархи и местные боссы	Фрагментированный авторитаризм
Интересы государства	Нейтральный	Формирование консенсуса	Политический контроль	Долгосрочное накопление капитала	Источник доходов для чиновников	Различные (контроль, накопление, источник доходов)
Структура бизнеса	Атомистическая или разнообразная	Организованная снизу	Организованная сверху	Разнообразная	Атомистическая	Разнообразная
Интересы бизнеса	Конкретные или секторальные; максимизация прибыли	Коллективные; максимизация прибыли	Коллективные; максимизация прибыли	Классовые интересы; накопление капитала	Партикуляризм; стремление к ренте	Партикуляризм; стремление к прибыли и ренте, политическое продвижение
Формы взаимодействия	Конкурентное лоббирование	Коллективные переговоры через ключевые ассоциации	Государственный заказ через ключевые ассоциации	Захват бизнеса	Индивидуальные обмены через отношения «покровитель — клиент»	Обмены как на индивидуальном, так и на институциональном уровнях
Условия обмена	Привилегии коллективной политики в отношении голосов / поддержки	Преимущества коллективной политики для достижения политического консенсуса	Преимущества коллективной политики при политическом молчаливом согласии	Коллективная защита для поддержки режима	Партикуляристская рента / привилегии за добычу / лояльность	Конкретная рента за добычу или выполнение местных экономических целей
Характер взаимоотношений	Сделка между независимыми сторонами; конкуренция	Сотрудничество	Государственное лицензирование; сотрудничество	Симбиоз	Сговор	Сговор

Источник: составлено автором

Таким образом, Винг Нго считает, что Китай не соответствует ни одной из рассматриваемых моделей. Китай явно отклоняется от плюралистической модели, которая базируется на идее о том, что многочисленные секторальные интересы свободно конкурируют за влияние на государственную политику в рамках открытой политической системы. В Китае ограничена не только политическая доступность, но, что более важно, государство является кем угодно, только не нейтральным игроком, действующим в ответ на конкурирующие экономические и социальные требования. Фрагментированное государство в Китае имеет свои собственные интересы, и эти интересы разнообразны и даже могут противоречить друг другу, когда речь идет о различных группах бюрократии и/или административных уровнях управления.

В принципе, Китай больше соответствует модели клиентоориентированности, в которой наиболее распространен сговор между чиновниками и деловыми кругами. Многие наблюдатели подчеркивают ключевую роль, которую играют личные связи (гуанси), когда чиновники предлагают дискреционные привилегии в виде определенных ресурсов, кредитов, доступа к рынку и т. д. частным бизнесменам и предприятиям в обмен на налоги, выплаты, трудоустройство и личное вознаграждение [17; 19]. Тем не менее существуют

некоторые различия между ситуацией в Китае и сетями покровителей и клиентов во многих странах Юго-Восточной Азии. Долгое время государственная власть в ЮВА была монополизирована конкурирующими политическими группировками, которые удерживались вместе сетями персонализированных отношений «покровитель — клиент». Бизнес вел себя как «предприниматели-изгои» (*pariah entrepreneurs*) [3; 9; 12] или «капиталисты-друзья» (*crony capitalists*) [7], которые искали покровительства у отдельных чиновников. На более позднем этапе для этих стран стало характерным преобладание местных влиятельных лиц, которые сочетали государственные ресурсы с богатством частной собственности, образуя своего рода «бос-сизм» [14]. Рассматриваемый таким образом бизнес, по сути, является своего рода рантье.

Интересы китайского бизнеса во многом схожи с интересами рентоискателей, стремящихся получить политическое покровительство. Однако Китай отличается тем, что официальные покровители — это не просто политические воротилы, стремящиеся к личной выгоде посредством своего контроля над распределением ресурсов. Помимо учета личных интересов, взаимодействие государства и бизнеса в Китае также предполагает симбиотический союз между институциональными образованиями, то есть местными органами государственной власти и предприятиями, и часто представляет собой такую модель развития, в которой местные власти предлагают защитные привилегии местному бизнесу не только за вознаграждение и власть, но и ради развития местной экономики. Жан Чун Оой [11] еще в начале 1990-х гг. назвала такое взаимодействие государства и бизнеса местным государственным корпоративизмом. Однако следует понимать, что в данном случае речь идет о механизме экономической координации, подобной корпорации, а не о корпоративном механизме посредничества интересов. Что же касается корпоративизма, то присущий ему элемент в Китае можно обнаружить в создании спонсируемых государством иерархических ассоциаций для различных секторов бизнеса, иностранных инвесторов, местных предпринимателей и так далее. Членство является обязательным, и руководство обычно берут на себя государственные или партийные чиновники. Многие из этих ассоциаций размещены в правительственных зданиях и полагаются на государственную поддержку в своей повседневной деятельности.

Однако вряд ли можно в полной мере характеризовать отношения государства и бизнеса в Китае как государственно-корпоративные. Корпоративные структуры в первую очередь используются для политического контроля, чтобы предотвратить появление организованных интересов, находящихся вне досягаемости партии-государства. На практике они играют очень ограниченную роль в посредничестве между государством и бизнесом и еще меньшую роль в представлении интересов отдельных секторов экономики. Вместо того чтобы обращаться через бизнес-ассоциации, большинство предприятий в Китае сообщают о своих требованиях через личные связи с государственными чиновниками.

В наибольшей степени, по нашему мнению, для Китая применим термин «планово-рациональное государство», предложенный применительно к Японии американским политологом Ч. Джонсоном [8]. Китай в определенной степени соответствует восточноазиатской модели активного государства с сильным желанием управлять бизнесом и экономикой, государства, занимающегося не только макроэкономическим планированием, но и микроэкономическим вмешательством в конкретные бизнес-операции. Тем не менее китайское партийное государство, не только фрагментированное, но и нередко включающее на практике сговор государства и бизнеса, который способствует не только развитию, но и хищническим практикам, достаточно сильно, на наш взгляд, отличается от социально укорененного автономного государства, укомплектованного меритократическими технократами, которое является типичным примером развивающегося государства на Востоке. Конечно, китайское государство, особенно на местном уровне, временами берет на себя лидирующую роль в содействии местному экономическому развитию. Однако государство, выполняющее функции развития, не эквивалентно государству развития, которое стало основой для так называемого восточноазиатского чуда.

Пытаться «подогнать» ситуацию в Китае к какой-либо одной модели, на наш взгляд, не имеет смысла. В реальности эти отношения неоднородны и варьируются не только в зависимости от регионов и секторов, но и между различными видами субъектов бизнеса в рамках одного и того же сектора и/или региона, в результате чего различные виды бизнеса имеют разную степень близости к государству и субнациональным органам власти. Такая ситуация сложилась в стране исторически под влиянием

разнонаправленных действий коммунистических элит на различных этапах развития современной китайской государственности.

### **Полиморфность китайского государства и гибридность бизнеса**

Специфика взаимоотношений государства и бизнеса в современном Китае определяется, со одной стороны, полиморфной природой китайского государства, с другой — становлением бизнеса как гибридного субъекта.

Полиморфность китайского государства связана с тем, что в реальности система государственной власти в этой стране включает в себя не только правительственную бюрократию, но и Коммунистическую партию, военных, спонсируемые государством народные организации, а также многочисленные государственные учреждения, такие как университеты, информационные агентства и больницы, которые в большей или меньшей степени поддерживают постоянные контакты с бизнесом [6, с. 304–310].

С точки зрения прав собственности экономика Китая не похожа на смешанную экономику, где можно найти как государственные предприятия, так и частные фирмы с четко определенными границами. Вместо этого в стране существует огромное количество компаний, которые нельзя четко классифицировать ни как государственные, ни как частные. Этот широкий спектр гибридного бизнеса включает государственные предприятия, коллективные предприятия (в основном на уровне поселков и деревень), акционерные предприятия со смесью государственных и частных акционеров, совместные предприятия государственного и частного сектора, частные компании, замаскированные под государственные или коллективные предприятия, клановые предприятия, имеющие политические связи с влиятельными должностными лицами, реляционные предприятия, которые связаны с национальными или местными монополиями и олигополиями, и т. д.

Таким образом, речь идет о так называемой рекомбинантной собственности [15, с. 993], при которой возникают новые формы собственности, в рамках которых атрибуты частного и общественного растворяются, переплетаются и рекомбинируются; и фирмы используют такую двойственность для распределения рисков в условиях неопределенности путем диверсификации активов и рекомбинации ресурсов.

Рекомбинантная собственность представляет собой лишь один источник гибридности. Другие источники гибридности проистекают из перекрывающегося членства, а также запутанных связей между государством, партией и бизнесом. Политическая власть в эпоху реформ опиралась на прямой контроль над государственными и частными активами. Более того, подробности обвинений в коррупции, выдвинутых против видных деятелей партии, вооруженных сил, парламентских органов, государственных министерств и государственных предприятий в начале 2010-х гг., свидетельствуют о личном участии высокопоставленных политических лидеров в деловых операциях, получении ренты и обмене политическими должностями на личную и экономическую выгоду. Некоторые обширные бизнес-империи были разоблачены как имеющие прямые связи с высокопоставленными политиками [5].

Благодаря доктрине «тройного представительства»<sup>1</sup>, которая позволила представителям бизнес-элит вступать в партию и участвовать в активной политической жизни, КПК функционирует как сетевой механизм, связывающий бизнес с государством и наоборот. Перечислим основные способы, с помощью которых партия установила тесные отношения с частным сектором.

- Распространение уже упоминавшихся нами спонсируемых государством ассоциаций.
- Большое количество членов КПК, которые оставили официальные посты и стали бизнесменами.
- Стимулирование членства бизнесменов в КПК.

<sup>1</sup> Тройное представительство, или концепция «трех представительств» — идея, сформулированная Цзян Цзэмином на XVI съезде КПК (ноябрь 2002 г.). Согласно принятой концепции, Коммунистическая партия Китая должна представлять интересы развития передовых производительных сил, передовой китайской культуры, коренные интересы самых широких слоев китайского населения. Такая формулировка открыла дорогу для вступления в Компартию представителей деловых кругов, предпринимателей.

Эта модель, несомненно, выходит за рамки типичного клиентелизма, при котором бизнес-клиенты ищут политического покровительства у отдельных чиновников или влиятельных брокеров для получения защиты и особых привилегий. В китайском варианте покровитель и клиент слиты воедино.

Таким образом, мы находим в Китае множество субъектов бизнеса, разнообразие организационных форм и множество прав собственности. В этом уникальном наборе наиболее заметными действующими лицами являются не обычные частные фирмы, а новые разновидности государственных предприятий, предприятия, встроенные в политику, совместные государственно-частные предприятия и частные фирмы, замаскированные под коллективные предприятия. Различные формы собственности существуют бок о бок, одновременно реагируя на рыночные сигналы и политические стимулы.

Понимание фрагментации китайского государства и гибридности бизнеса важно, потому что оно позволяет нам по-новому взглянуть на интересы государства и бизнеса, поскольку их согласование является основой к выстраиванию соответствующих отношений.

В принципе, считается само собой разумеющимся, что стремление к прибыли является определяющим интересом коммерческих предприятий. Однако в Китае извлечение прибыли как законный смысл существования современного бизнеса было лишь постепенно признано и институционализировано в ходе рыночных реформ. Фактически до 1990-х гг. предпринимательская деятельность, направленная на увеличение оборота и прибыли, такая как стимулирование сбыта, торговля, расширение доли рынка и так далее, — деятельность, которая является неотъемлемой частью нормальных деловых операций на капиталистическом рынке, не одобрялась государством.

В современных условиях интересы субъектов бизнеса значительно различаются в зависимости от структуры собственности предприятий: они варьируются от увеличения доли рынка и прибыльности компаний до достижения политических целей. Соответственно, и интересы органов государственной власти (в т. ч. и на местном уровне) и их представителей также могут сильно различаться: от выполнения местных приоритетов развития (как указано в контрактах на выполнение работ) с целью продвижения по карьерной лестнице и/или получения личных выгод посредством взяток, откатов и так далее. В результате степень близости бизнеса и государства в каждом конкретном случае определяется степенью пересечения интересов. Из-за этого конкретный орган государственной власти может защищать один вид бизнеса, дискриминируя другой. Аналогичным образом предприятие может получить сильную поддержку от местной власти в одной области, но столкнуться с враждебностью в другой области. Даже в пределах одного региона предприятие может пользоваться благосклонностью органов власти одного уровня, сталкиваясь при этом с проблемами на более высоком или более низком уровнях управления.

Как правило, государственные органы патронируют те предприятия, которые могут помочь им в достижении их политических и экономических приоритетов или продвижении их личных интересов. В большинстве случаев эти приоритеты включают политические цели, такие как высокие темпы роста, низкий уровень безработицы, стабильное налогообложение, технологическая модернизация, а также политические цели, установленные национальными пятилетними планами и другими политико-экономическими проектами, инициированными высшими руководителями страны. Неудивительно, что государственные предприятия, непосредственно контролируемые конкретным органом государственной власти, находятся с ним в самых тесных отношениях. Затем следуют предприятия со значительной долей государственной или коллективной собственности. Стратегические предприятия, такие как те, которые вносят существенный вклад в государственные доходы и занятость, те, которые поддерживаются национальными планами, или те, которые помогают повысить экономический статус принимающих их регионов, также получают официальное благословение властей. Обычно это крупномасштабные предприятия с формами рекомбинантной собственности в ключевых отраслях. Наряду с коммерческими структурами, чья поддержка государством официально санкционирована, мы также можем найти предприятия, которые частным образом связаны с отдельными партийными лидерами или местными чиновниками, которым удается добиться для них статуса стратегических местных предприятий, находящихся под покровительством государства.

Предприятия, которые в основном находятся в частной собственности и не в состоянии поддерживать личные отношения с должностными лицами, обладающими властью, имеют более отдаленные отношения с органами государственной власти. Наконец, еще более слабые связи с органами государственной власти имеют частные, малые и средние предприятия в нестратегических отраслях промышленности и с небольшим количеством личных связей.

Главный вопрос заключается в том, что значит иметь тесные отношения между государством и бизнесом? В первую очередь это означает наличие преференциальных привилегий, которыми пользуется бизнес в соответствии с официальными решениями. Близость к власти часто оборачивается существенной экономической или политико-правовой выгодой. Необходимо учитывать, что значительная доля экономических ресурсов в Китае распределяется не на свободном рынке, а путем государственного лицензирования доступа к определенному виду деятельности. Учитывая высокую степень государственного вмешательства и меняющуюся роль государства как регулирующего органа и инвестора, не удивительно, что в стране создается и реализуется огромное количество экономической ренты. Контролируя такие ресурсы, как земля, кредиты под низкие проценты, иностранная валюта и т. д., и используя свои полномочия по распределению таких ресурсов между целевыми отраслями или предприятиями, государство является главным источником экономической ренты и особых выгод для бизнеса.

### **Проблемы и перспективы отношений государства и бизнеса на современном этапе развития Китая**

Отношения между государством и частным бизнесом в современном Китае можно охарактеризовать как «асимметричный альянс», сформировавшийся между политической властью и частным сектором за годы реформ и остающийся в значительной степени неизменным и в настоящее время. Это означает, что частные фирмы по-прежнему пользуются значительной автономией в плане ведения бизнеса до тех пор, пока они не пересекают политические и нормативно-правовые границы. Государство и партия предоставляют легитимность и операционную автономию частным фирмам, в то время как последние обеспечивают желаемые для государства результаты, такие как инвестиции, занятость и экономический рост. Однако автономия, которой пользуются частные фирмы, существует только на операционном, а не на политическом уровне и всегда ограничена. Всякий раз, когда интересы двух партнеров сталкиваются, политическая власть принимает окончательное решение. Весьма показательными в этом отношении являются знаменитые слова Дэна Сяопина в начале 1980-х гг. в ответ на полученный им доклад о «капиталистических» практиках Нянь Гуанцзю — основателя Shazi Guazi и одного из наиболее ярких представителей первого поколения частных предпринимателей в постмаоистском Китае. «Пока не трогайте его», — сказал Дэн своим подчиненным, намекая на большую терпимость к частному сектору, но также на то, что окончательная свобода действий остается за партией [18, с. 98].

Можно найти немало примеров сложного положения, в котором находились частные фирмы еще до прихода к власти Си Цзиньпина [1, с. 917–918]. Однако в последние годы отношения между государством и бизнесом становятся еще более асимметричными, демонстрируя дальнейшее усиление давления государства на частный сектор. Хотя многие были обеспокоены действиями КПК по укреплению институциональных связей с частным сектором — путем создания партийных комитетов и расширения их роли в корпоративном управлении, частные фирмы по-прежнему сохраняют значительную автономию в плане ведения бизнеса и управленческих практик.

Государство и партия по-прежнему в значительной степени зависят от частных фирм в достижении экономических целей, которые необходимы для поддержания социальной, экономической и политической стабильности, включая рост ВВП, налоговые поступления, занятость и местные технологические инновации. Не случайно правительством был проведен ряд реформ для улучшения бизнес-среды, включая сокращение числа правительственных согласований, административную децентрализацию в некоторых областях экономики и предоставление большей финансовой поддержки и снисхождения к закону частным фирмам. Эти реформы привели к некоторым положительным, хотя и ограниченным, эффектам.

В результате рейтинг Китая в индексе легкости ведения бизнеса Всемирного банка вырос с 96-го места в 2014 г. до 31-го в 2020 г.<sup>1</sup>

Еще одним фактором, который вынудил государство подтвердить свою приверженность союзу с частным сектором, является ключевая роль, которую последний играет в стимулировании местного технологического развития. За последние несколько лет правительство потратило огромные ресурсы на различные виды промышленной политики для поддержки высокотехнологичных фирм, многие из которых находятся в частной собственности.

В то время как частные фирмы в значительной степени сохранили свою деловую автономию, политические и нормативные границы, с которыми они сталкиваются, были резко ужесточены, что отражает растущую обеспокоенность партии по поводу безопасности и стабильности. Термин «безопасность» появился 22 раза в коммюнике, опубликованном 19-м Центральным комитетом КПК после его V пленума в ноябре 2020 г., что почти вдвое чаще, чем за пять лет до этого<sup>2</sup>.

Опасения по поводу безопасности небезосновательны, поскольку ведущие частные фирмы сегодня могут мобилизовать гораздо больше технологических и финансовых ресурсов, чем когда-либо прежде. В результате напряженность между государством и частными фирмами растет. Расширение за счет заемных средств таких фирм, как Anbang Insurance и Wanda, вызвало у политиков опасения по поводу финансовой нестабильности, что привело к подавлению не только их деловой активности, но и, в случае с Anbang, репрессиям по отношению к ее владельцам. Власти также чрезвычайно бдительно относятся к технологическим фирмам, особенно к тем, у которых большая база пользователей. Например, Neihan Duanzi, мобильная платформа, разработанная ByteDance и имеющая сплоченное сообщество из более чем 17 млн пользователей, была запрещена, поскольку контент, размещенный на платформе, был признан несовместимым с официальной идеологией. Особенно показательной была ситуация с приостановкой Джеком Ма, основателем Ant Group и Alibaba и одним из самых известных частных предпринимателей страны, IPO Ant Group на рекордные 37 млрд долл. после открытой атаки финансовых регуляторов Китая. Приостановленное IPO, за которым всего неделю спустя последовало обнародование незадолго до этого разработанных антимонопольных правил, нацеленных в целом на технологический сектор, было широко истолковано как последний шаг КПК по установлению большего контроля над частным сектором. Под руководством Си Цзиньпина была значительно ужесточена нормативно-правовая база, предприняты новые усилия по партийному строительству в частных фирмах и выдвинуты требования большей политической лояльности от частных предпринимателей.

Усиление регулятивного и политического контроля за частными фирмами, несомненно, является препятствием для инноваций, особенно в финансовом и технологическом секторах, где напряженность между государством и частными фирмами высока. Однако эти сектора регулируются повсеместно, и правила, с которыми сталкиваются некоторые технологические фирмы в Китае, возможно, являются даже менее обременительными по сравнению с США и Европой. Поэтому самое важное — это не наличие или отсутствие нормативных актов, а скорее их характер и доверие к законодательным процессам, стоящим за ними. Проблема в том, что, например, в разработанных правительством антимонопольных правилах для интернет-компаний многие положения носят довольно расплывчатый характер, что оставляет слишком много места для произвольного их толкования правительством, не говоря уже о политически мотивированном вмешательстве. Именно эта неопределенная и крайне политизированная нормативно-правовая среда представляет самую большую угрозу инновациям в финансовом и технологическом секторах.

В секторах, где политика не имеет такого большого значения, таких как производство, частные фирмы по-прежнему пользуются значительной автономией на уровне бизнеса, по крайней мере на данный момент. Эта автономия имеет решающее значение для эффективности и инновационного потенциала частного сектора, а также китайской экономики в целом.

<sup>1</sup> Doing Business 2004–2020 [Электронный ресурс] // World Bank. URL: <https://archive.doingbusiness.org/en/doingbusiness> (дата обращения: 31.08.2023).

<sup>2</sup> Гафуров С. Пятый Пленум ЦК КПК — разговор о прошлом или о будущем? [Электронный ресурс] // Pravda.ru. 23.11.2020 URL: [https://www.pravda.ru/world/1551462-kitaj\\_budushchee/](https://www.pravda.ru/world/1551462-kitaj_budushchee/) (дата обращения: 31.08.2023).

По сравнению с усилиями государства и партии по налаживанию институциональных связей с частными фирмами и требованием лояльности, гораздо большую обеспокоенность вызывает постоянное ухудшение конкурентной среды, с которой сталкивается частный сектор. Поскольку государственные предприятия получают львиную долю финансовых ресурсов и становятся все больше и больше по численности и размеру, происходит ухудшение инвестиционного климата для частных фирм, что является, по мнению целого ряда китайских специалистов, самым большим препятствием на пути инноваций и эффективности в экономике.

## Заключение

Понимание китайской модели взаимоотношений между государством и бизнесом представляется крайне важным для России. Как справедливо подчеркивает С. Ю. Глазьев, «российско-китайское экономическое сотрудничество политической волей лидеров Российской Федерации и Китайской Народной Республики носит характер стратегического партнерства, которое нуждается в содержательном наполнении перспективными совместными проектами и поддержке эффективно функционирующими институтами развития» [2, с. 9]. Однако сделать это возможно только при адекватном понимании специфики функционирования политической, экономической и социальной системы этой страны.

Чтобы понять логику развития взаимоотношений между государством и бизнесом в КНР, необходимо, на наш взгляд, вспомнить метафору, использованную одним из отцов китайского экономического чуда Чэнь Юнем [3, с. 238]. По его мнению, если сравнивать социалистическую экономику с птицей, то способность государства осуществлять централизованное планирование можно представить в виде клетки. Клетка, по мысли Чэня, означает сдерживающие факторы в экономике: без клетки птица бы упорхнула, а народное хозяйство бы развалилось; именно это случилось в эпоху «большого скачка», когда в результате децентрализации экономика вышла из-под контроля. Но, самое главное, клетка должна постоянно расти вместе с птицей, чтобы последняя чувствовала себя свободно.

В настоящее время асимметричный альянс между государством и Коммунистической партией и частным сектором, сформировавшийся в ходе долгого процесса реформ, остается в силе. Однако политические и нормативные ограничения, с которыми сталкиваются частные фирмы, были ужесточены. Фирмы, которые пересекают красные линии, подвергаются безжалостному наказанию. Однако мы считаем, что самое большое препятствие на пути инноваций и эффективности заключается в ухудшении конкурентной среды, с которой сталкиваются частные фирмы, а также в других глубоко укоренившихся структурных недостатках деловой среды Китая. Для решения этих извечных проблем партии и ее лидерам необходимо не только сохранить союз с частным сектором, но и вернуться к политической повестке дня социально-экономических реформ, которая учитывала бы новые угрозы и вызовы, с которыми сталкивается не только КНР, но и другие страны мира. При этом именно у Китая имеются, на наш взгляд, все необходимые ресурсы для нового прорыва в этой сфере. И дело не только в высоком уровне экономического развития, но и специфике его культуры, определяющей «потенциал китайской устойчивости — в твердости духа, национальной самобытности, в преемственности, социальной гармонии и справедливости, в почтении отношении граждан к китайскому государству» [4, с. 35].

## Литература

1. *Аджемоглу Д., Робинсон Дж.* Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М. : АСТ, 2016. 1083 с.
2. *Глазьев С. Ю.* Российско-китайское экономическое сотрудничество: трансформировать политическую волю в масштабные кооперационные проекты // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 3. С. 9–10. EDN: NYQUMC
3. *Коуз Р., Ван Нин.* Как Китай стал капиталистическим. М. : Новое издательство, 2016. 386 с. Доступ: [https://bstudy.net/1000546/ekonomika/ptitsa\\_kletke\\_rynochnaya\\_reforma\\_sotsializme#aftercont](https://bstudy.net/1000546/ekonomika/ptitsa_kletke_rynochnaya_reforma_sotsializme#aftercont)

4. *Кугай А. И.* Мускулы Дракона: современная геополитическая доктрина Китая // Управленческое консультирование. 2019. № 1 (6). С. 32–40. DOI: 10.22394/1726-1139-2019-6-32-40
5. *Просеков С. А., Головлёв Р. В.* Борьба с коррупцией в современном Китае // Манускрипт. 2021. Т. 14. № 5. С. 922–927. EDN: HWLLCM. DOI: 10.30853/mns210185
6. Современное китайское государство / гл. ред. А. В. Виноградов; Ин-т Дальнего Востока РАН. М. : РАН, 2022. 903 с.
7. *Hutchcroft P. D.* Oligarchs and Cronies in the Philippine State: the Politics of Patrimonial Plunder // World Politics. 1991. No. 43 (3). P. 414–450.
8. *Johnson C.* MITI and the Japanese Miracle. Stanford : Stanford University Press, 1982. 412 p.
9. *Kang D. C.* Crony Capitalism: Corruption and Development in South Korea and the Philippines. Cambridge : Cambridge University Press, 2002. 203 p.
10. *Kennedy S.* The Business of Lobbying in China. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2005. 278 p.
11. *Oi J. C.* Fiscal Reform and the Economic Foundations of Local State Corporatism in China // World Politics. 1992. No. 45 (1). P. 99–126.
12. *Riggs F. W.* Thailand: the Modernization of a Bureaucratic Polity. Honolulu : East-West Center Press, 1966. 470 p.
13. *Searle P.* The Riddle of Malaysian Capitalism: Rent-seekers or Real Capitalists. Honolulu : University of Hawaii Press, 1998. 318 p.
14. *Sidel J. T.* Capital, Coercion, and Crime: Bossism in the Philippines. Stanford : Stanford University Press, 1999. 225 p.
15. *Stark D.* Recombinant Property in East European Capitalism // American Journal of Sociology. 1996. No. 101 (4). P. 993–1027.
16. *Tak-Wing Ngo.* State–Business Relations in China’s Changing Economic Order / Xiaoke Zhang, Tianbiao Zhu (eds.) Business, Government and Economic Institutions in China. Palgrave Macmillan Cham, 2018. P. 47–77.
17. *Wank D. L.* The Institutional Process of Market Clientelism: Guanxi and Private Business in a South China City // China Quarterly. 1996. No. 147. P. 820–838.
18. *Xin Sun, Jiawei Hai.* State-Business Relations Under Xi: What has (and hasn’t) changed and what are the implications? [Электронный ресурс] // LSE. November 23rd, 2020. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/cff/2020/11/23/state-business-relations-under-xi-what-has-and-hasnt-changed-and-what-are-the-implications/> (дата обращения: 31.08.2023).
19. *Zhou X.* The Institutional Logic of Collusion Among Local Governments in China // Modern China. 2010. No. 36 (1). P. 47–78.

### Об авторе:

**Пахомова Мария Артуровна**, аспирант факультета государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: mariap2707@gmail.com

### References

1. Acemoglu D., Robinson J. A. Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. Moscow : AST, 2016. 1083 p. (In Rus.)
2. Glazyev S. Y. Russian Chinese Economic Cooperation: Transforming Political Will into Large-Scale Cooperation Projects // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2019. No. 3. P. 9–10. (In Rus.) EDN: NYQUMC
3. Coase R., Ning Wang. How China Became Capitalist. Moscow : New Publishing, 2016. 386 p. Access: [https://bstudy.net/1000546/ekonomika/ptitsa\\_kletke\\_rynochnaya\\_reforma\\_sotsializme#aftercont](https://bstudy.net/1000546/ekonomika/ptitsa_kletke_rynochnaya_reforma_sotsializme#aftercont) (In Rus.)

4. Kugay A. I. Muscles of the Dragon: Modern Geopolitical Doctrine of China // Administrative Consulting [Upravlencheskoye konsultirpvanie]. 2019. No. 6. P. 32–40. (In Rus.)  
DOI: 10.22394/1726-1139-2019-6-32-40
5. Prosekov S. A., Golovlev R. V. Fighting Corruption in Modern China // Manuscript [Manuscript]. 2021. Vol. 14. No. 5. P. 922–927. (In Rus.) EDN: HWLLCM. DOI: 10.30853/mns210185
6. Modern Chinese State / ed. by A. V. Vinogradov. Institute of Far Eastern Studies of RAS. Moscow : RAS, 2022. 903 p. (In Rus.)
7. Hutchcroft P. D. Oligarchs and Cronies in the Philippine State: the Politics of Patrimonial Plunder // World Politics. 1991. No. 43 (3). P. 414–450.
8. Johnson C. MITI and the Japanese Miracle. Stanford : Stanford University Press, 1982. 412 p.
9. Kang D. C. Crony Capitalism: Corruption and Development in South Korea and the Philippines. Cambridge : Cambridge University Press, 2002. 203 p.
10. Kennedy S. The Business of Lobbying in China. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2005. 278 p.
11. Oi J. C. Fiscal Reform and the Economic Foundations of Local State Corporatism in China // World Politics, 1992. No. 45 (1). P. 99–126.
12. Riggs F. W. Thailand: the Modernization of a Bureaucratic Polity. Honolulu : East-West Center Press, 1966. 470 p.
13. Searle P. The Riddle of Malaysian Capitalism: Rent-seekers or Real Capitalists. Honolulu : University of Hawaii Press, 1998. 318 p.
14. Sidel J. T. Capital, Coercion, and Crime: Bossism in the Philippines. Stanford : Stanford University Press, 1999. 225 p.
15. Stark D. Recombinant Property in East European Capitalism // American Journal of Sociology. 1996. No. 101 (4). P. 993–1027.
16. Tak-Wing Ngo. State-Business Relations in China's Changing Economic Order / Xiaoke Zhang, Tianbiao Zhu (eds.). Business, Government and Economic Institutions in China. Palgrave Macmillan Cham, 2018. P. 47–77.
17. Wank D. L. The Institutional Process of Market Clientelism: Guanxi and Private Business in a South China City // China Quarterly. 1996. No. 147. P. 820–838.
18. Xin Sun, Jiawei Hai. State-Business Relations Under Xi: What has (and hasn't) changed and what are the implications? [Electronic resource] // LSE. November 23rd, 2020. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/cff/2020/11/23/state-business-relations-under-xi-what-has-and-hasnt-changed-and-what-are-the-implications/> (accessed: 31.08.2023).
19. Zhou X. The Institutional Logic of Collusion Among Local Governments in China // Modern China. 2010. No. 36 (1). P. 47–78.

### About the author:

**Maria A. Pakhomova**, graduate student of Faculty of State and Municipal administration of the North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russia);  
e-mail: mariap2707@gmail.com